

Лепестки разлетались по ветру.

То был день казни Люсьель.

— Внемли, преступница. Ты должна понести наказание за то, что бесстыдно обманывала наследного принца, всех знатных вельмож и народ Империи, предлагая фальшивые драгоценности, — возвестил палач непреклонным голосом, и крики разъярённой толпы стали громче.

— Она не ювелир, а мошенница, которая делала драгоценности из простых булыжников!

— Убить её!

Отовсюду полетели камни.

Стеклянное узилище, в котором она была заключена, разлетелось на осколки, и из головы девушки, в которую попал камень, потекла кровь.

Мошенница, создающая фальшивые драгоценности...

Таков титул, которым наградили её, принёсшую на алтарь всю свою жизнь.

Невозможно было поверить, что это единственная награда, которую она получила за все драгоценности, созданные ценой страданий, ради которых она выжимала из себя последние капли маны.

Из стеклянного узилища она слышала команду наследного принца, который холодными глазами следил за ней, отупело сидящей внутри своей тюрьмы:

— Вытащите преступницу.

Худощавое тело Люсьель затащили на помост, возведенный для казни, и связали.

Когда же всё пошло не так?

С каких пор её жизнь превратилась в это?

Нет. Возможно, всё было неправильно с самого начала.

«Люсьель, моя добрая и сострадательная младшая сестрёнка».

Сестра Илизия махала рукой с другой стороны.

«Сестра, я так устала... Сейчас... Не думаю, что пробуду в живых слишком долго».

Тихие, безмолвные слёзы оросили щёки Люсьель. Не грусть была их причиной и не боль.

На месте казни стояла гильотина с остро наточенным лезвием, и перед смертью Люсьель припомнила свою короткую жизнь.

Всю свою жизнь она изливала эмоции и мастерила украшения в угоду чужой жадности.

Она делала это не только для наследного принца.

Граф Орбиа.

Люди маркиза Кавилла, в семью которого её выдали замуж, будто совершив торговую сделку.

Все они хотели от Люсьель только одно. Закрыв глаза на её искренние переживания, они требовали драгоценности. А Люсьель отчаянно желала, чтобы что-то в её сердце сломалось. И даже не подозревала о том, что, возможно, нечто внутри неё надломилось уже давным-давно.

И теперь почти ничто не могло всколыхнуть её чувства.

Клац.

Меч наследного принца, украшенный камнями Люсьель, наконец был инкрустирован всеми двенадцатью камнями и ярко сиял от заключённой в нём энергии.

Последним из того, что её вынудили создать, был этот меч, призванный сразить Беллштейнов.

Принц взял в свои руки меч и в сопровождении знати выступил против них. Даже Беллштейны, о которых говорили, что они владеют наибольшей силой на всём континенте, пали, сражённые силой священного меча.

Время тоже было выбрано удачно. Ведь армия напала, когда жнец ада, Кизеф фон Беллштейн, покинул свои земли, чтобы расправиться с чудовищами.

Наследный принц был опьянён победой и смеялся так, словно вся империя принадлежала ему одному. Ради власти он убивал и рушил без устали, и благодаря силе камней, которые сотворила Люсьель, для него не существовало преград.

Много жизней было отнято. Невинных жизней.

Глаза Люсьель наполнили слёзы раскаяния.

«Лучше бы я сбежала, лучше бы я бежала изо всех сил до самого своего конца. Тогда мои грехи не были бы настолько тяжелы».

Глядя на неё, привязанную к месту казни, наследный принц намекнул:

— Неужели ты ничего не чувствуешь, встречая свой конец? Создай же драгоценности из страха перед лицом смерти.

Люсьель молчаливо взглянула на наследного принца. В эту минуту она не желала, чтобы в ней пробудились какие-то эмоции. Она не хотела, чтобы её кристаллы снова попали в его руки.

Лязг.

Наследный принц вынул из ножен меч, инкрустированный камнями Люсьель. На его холодном лице появилась усмешка, внушающая опасения.

— Пока ты в сознании, ты должна приносить пользу до последнего вдоха.

Люсьель отвернулась, отказывая ему в его желании.

Непокорный взгляд Люсьель, не подчинившейся ему в свои последние минуты жизни, только больше разъярил наследного принца.

— Дерзкая девчонка... Хорошо, будь по-твоему.

Драгоценный меч в руках наследного принца оглушительно загудел и застонал, словно узнавая хозяина, создавшего камни, вставленные в него.

Начиная от верёвки, опутавшей Люсьель, до звука, который исходил от меча — абсолютно всё оставляло ощущение леденящего холода. Она чувствовала взгляд толпы, устремлённый на клинок.

«В юности я и представить не могла, что закончу свою жизнь, как преступница. В те годы я мечтала, что однажды настанет день, когда мы с сестрой сможем жить счастливо. А ещё о том, что встречу кого-нибудь, кто станет особенным для меня, и заживу, как живут все нормальные люди.

Я не знала тогда, насколько глупо бы ожидать, что жизнь феи кристаллов будет нормальной».

И всё же на тот момент, когда её продали в качестве раба, создающего драгоценности, Люсьель уже давно осознала: эта мечта была из тех, которые невозможно осуществить.

«Сестра... Мне так жаль. Я обещала, что не позволю никаким эмоциям зародиться внутри меня, но не смогла сдержать своё слово, поэтому всё закончилось вот так».

Обвившаяся вокруг неё верёвка начала сильно натягиваться.

Толпа вопила, одобрительно и зло. Сверкнул острый клинок, и что-то горячее взмыло в воздух.

— Кха...

По мере того, как нарастала боль, в душе Люсьель разливался покой. Драгоценный камень внутри неё, который некогда сиял ярче звёзд на небосводе, уже давно утратил свой свет, а теперь постепенно краски исчезли и с её лица. Она медленно закрыла глаза.

Люсьель надеялась, что вскоре она наконец сможет увидеться с сестрой — нужно лишь чуточку потерпеть.

«Сестра, молю, подожди ещё совсем недолго. Скоро и я буду там».

— Треклятая дрянь! — глядя на Люсьель, которая больше не создавала драгоценностей даже несмотря на чудовищную боль, наследный принц не смог удержаться от резких слов. — Она теперь и правда бесполезна?

Это случилось тогда.

Откуда-то донёсся цокот лошадиных копыт, вслед за ним издали нахлынула тёмная энергия.

Неожиданно появился мужчина, с ног до головы облачённый в чёрные латы с яркой эмблемой, на которой был выгравирован чёрный дракон, летающий с его плеча.

Мог бы так выглядеть лев ада, который явился, чтобы совершить последний суд?

Мужчина с невозмутимым лицом был слишком красив, чтобы соответствовать образу предвестника смерти.

Это был молодой господин из рода Беллштейнов, которого прозвали Жнецом.

Его глаза кроваво-красного цвета перекатились в глазницах и отыскивали принца: «Главный

виновник всех трагедий. Враг моего рода, который не достоин даже им называться,» — подумал Кизеф.

Поскольку чёрные стены поместья Беллштейнов невозможно было разрушить, их превратили в руины, и остатки семей были погребены под ними.

Больше всего Кизефа поразило вывешенное на стене холодное мёртвое тело герцога Беллштейна, некогда правившего целым миром.

Тот страшный миг всплыл из глубин памяти, и Кизеф вновь завыл.

Как дикий зверь.

До крови прокусив собственный палец, он начертил в воздухе магический круг.

Магические круги — и большие, и маленькие — начертались вокруг него. Закрутился чёрный смерч, поднялась настоящая буря. Разбушевавшись, она поглотила знать и рыцарей наследного принца.

— А-а-а-а!!!

Отовсюду хлынули крики, и в единый миг всё оказалось уничтожено. Исполнено это было настолько безукоризненно, что пространство стало совершенно пустым.

Заполненная толпами людей площадь притихла, словно на ней не осталось ни единой живой души. Осознав, что остался в одиночестве, наследный принц с широко распахнутыми глазами выставил меч, но молодой Беллштейн уже телепортировался за его спину.

— ...Я здесь, чтобы отомстить за свою семью.

— К-когда ты?!..

Шу-ух.

Молодой господин поднял палец, и тотчас же наследный принц завис в воздухе.

— О боже, — пробормотал наследный принц, а его лицо побелело.

Бряц, звяк.

Меч принца прокатился по помосту и прилип к руке молодого Беллштейна, который его разглядывал.

Этот меч был наделён необычной силой. Он ощущался живым и словно рыдал, желая чего-то с неистовой силой.

Когда Кизеф взмахнул мечом, тот сразу же засиял своей многоцветной энергией, которая оплела тело принца.

Вскоре после этого принц перестал дышать, а меч утратил своё сияние.

В нём не осталось ни капли энергии, поскольку он исполнил то, к чему стремился.

Наблюдая за всем, что происходило перед местом казни, Люсьель подумала, что ей повезло

увидеть гибель наследного принца перед смертью.

Но теперь всё было кончено.

Люсьель глубоко сожалела о несчастьях, постигших молодого Беллштейна.

Она хотела попросить у него прощения.

Бух.

Как только она встретила с ним глазами, жизнь начала покидать её тело.

Взгляд подёрнулся мутной пеленой, и даже дышать больше не получалось.

Она хотела бы умолять его о прощении, если бы только могла. Таково было её желание. Никому она не хотела вреда.

Она прожила жизнь, в которой её использовали до последнего вздоха.

Но Люсьель чувствовала себя виноватой: в конце концов, всё это было лишь оправданием. О том горе, которое приносит потеря семьи, она знала лучше кого-либо на свете. Рука, пытавшаяся дотянуться до молодого Беллштейна, вскоре беспомощно упала.

«Если существует следующая жизнь, я ни за что не проживу её так же жалко. Я буду жить для себя. И буду помнить о тебе».

Наконец Люсьель перестала дышать, будто заснула. А на её губах была улыбка, словно ей было очень комфортно. Оставшаяся в её теле мана сгустилась в воздухе и вскоре выпала, подобно росе.

Что-то покатило.

Это упал на помост самый первый камень, который она сотворила по собственной воле.

Сверк.

Яркий свет, исходящий из чистейших прозрачных кристаллов, проник в её тело, и это произошло незадолго до того, как сияние распространилось достаточно, чтобы укрыть её слепящим покрывалом.

<http://tl.rulate.ru/book/65961/1755267>